

Оглавление

ОТ ИЗДАТЕЛЯ	9
ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ	12
ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ	22
ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ	26
ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ	32
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЦИКЛА	41
ГЛАВА 1. ПОЗИТИВНАЯ ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЦИКЛА	43
1.1. Экономические циклы и колебательные процессы в экономике	45
1.2. Проблема: концентрация ошибок	50
1.3. Объяснение: бум и депрессия	51
1.4. Вторичные свойства депрессии: дефляционное сжатие кредита.	59
1.5. Государственная политика в период депрессии: laissez faire	65
1.6. Предотвращение депрессии	72
1.7. Проблемы мизесовской теории экономического цикла	80
ГЛАВА 2. КЕЙНСИАНСКАЯ КРИТИКА АВСТРИЙСКОЙ ТЕОРИИ ЦИКЛА	91
2.1. «Ловушка» ликвидности	94
2.2. Ставки заработной платы и безработица	98
ГЛАВА 3. КРИТИКА НЕКОТОРЫХ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ДЕПРЕССИИ.	113
3.1. Теория общего перепроизводства	114

3.2. Теория недопотребления	116
3.3. Принцип акселератора	121
3.4. Дефицит «возможностей для инвестирования»	132
3.5. Теория экономического цикла Шумпетера	138
3.6. Доктрины качественного кредита	142
3.7. Сверхоптимизм и сверхпессимизм	149
ЧАСТЬ II. ИНФЛЯЦИОННЫЙ БУМ 1921—1929 гг.	151
ГЛАВА 4. ФАКТОРЫ ИНФЛЯЦИИ	153
4.1. Определение денежного предложения	155
4.2. Инфляция денежного предложения в 1921—1929 гг.	162
4.3. Факторы, генерировавшие инфляцию. Часть 1: резервные требования	167
4.4. Факторы, генерировавшие инфляцию. Часть 2. Совокупные резервы	174
4.5. Средства обращения министерства финансов	193
4.6. Учтенные векселя	194
4.7. Приобретенные векселя: акцепты	206
4.8. Американские государственные ценные бумаги	217
ГЛАВА 5 ПРОЦЕСС ИНФЛЯЦИИ	221
5.1. Кредитование заграницы	221
5.2. Помощь Британии	228
5.3. Приближение кризиса	249
ГЛАВА 6. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИНФЛЯЦИЯ	261
ЧАСТЬ III. ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ: 1929—1933 гг.	277
ГЛАВА 7. ПРЕДДВЕРИЕ ДЕПРЕССИИ: ГЕРБЕРТ ГУВЕР И ПОЛИТИКА LAISSEZ FAIRE	279

7.1. Эволюция интервенционизма Герберта Гувера: проблема безработицы	282
7.2. Эволюция интервенционизма Герберта Гувера: трудовые отношения	297
ГЛАВА 8. НАЧАЛО ДЕПРЕССИИ: ПРЕЗИДЕНТ ГУВЕР ПРИНИМАЕТ КОМАНДОВАНИЕ	309
8.1. Совещания в Белом доме	310
8.2. Кредитная инфляция.	315
8.3. Общественные работы	317
8.4. Сельскохозяйственная программа Нового курса	318
ГЛАВА 9. ГОД 1930-й	345
9.1. Продолжение инфляции	345
9.2. Тариф Смута—Хоули	347
9.3. Гувер во втором полугодии 1930 г.	350
9.4. Пропаганда общественных работ	358
9.5. Налоговое бремя государства	362
ГЛАВА 10. 1931-й, ИЛИ «ТРАГИЧЕСКИЙ ГОД»	367
10.1. Очерк состояния американской денежной системы	371
10.2. Государственное налоговое бремя	374
10.3. Общественные работы и ставки. заработной платы	375
10.4. Поддержание ставок заработной платы	379
10.5. Ограничения на иммиграцию	383
10.6. Добровольная помощь	384
10.7. Гувер в последнем квартале 1931 г.	386
10.8. Распространение коллективистских идей в мире бизнеса	392
ГЛАВА 11. НОВЫЙ КУРС 1932 ГОДА	403
11.1. Повышение налогов.	404

11.2. Государственные расходы и экономика	407
11.3. Пропаганда общественных работ	412
11.4. Корпорация финансирования реконструкции	416
11.5. Государственная помощь	422
11.6. Программа инфляции.	424
11.7. Пропаганда инфляции	432
11.8. Мистер Гувер идет войной на фондовый рынок	441
11.9. Система банков кредитования жилищного строительства	443
11.10. Закон о банкротстве	444
11.11. Борьба с иммиграцией	446
ГЛАВА 12. ОКОНЧАНИЕ СРОКА ПРАВЛЕНИЯ ГУВЕРА	447
12.1. Атака на права собственности и окончательный крах денежного обращения	450
12.2. Заработная плата, рабочие часы и занятость в период депрессии	459
Заключение	466
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	467
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	478
ГЛОССАРИЙ ИМЕН	480
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.	492
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	507

От издателя

Продолжает серию «История» книга одного из наиболее выдающихся и оригинальных американских экономистов XX в. Мюррея Ротбарда «Великая депрессия в Америке». Этот автор уже довольно хорошо знаком русскоязычному читателю, причем его работы, посвященные денежно-кредитным вопросам и другим, как их принято называть, «макроэкономическим» темам опубликованы в России уже довольно давно. Однако «Великая депрессия в Америке» занимает совершенно особое место как в творчестве самого Ротбарда, так и в экономической литературе в целом.

Наверное, не будет сильным преувеличением сказать, что выход этой книги сильно запоздал. Если бы русскоязычные читатели могли познакомиться с ней до начала нынешнего затяжного экономического и финансового кризиса в мировой экономике, многим из них, возможно, удалось бы избежать тех интеллектуальных тупиков, которые приобрели в последние годы большую популярность. В предисловии к первому изданию 1963 г. Ротбард писал: «Если современным бойцам от экономической политики, вооруженным инструментами денежной и налоговой политики, и толпам адептов стабилизации не удастся спасти капитализм от очередного сильного спада, эта многочисленная группа обратится за окончательным ответом к социализму. Для них следующая депрессия станет последним доказательством того, что даже реформированный и просвещенный капитализм не может обеспечить экономическое процветание». Хотя сегодня пока еще не модно открыто выдвигать социалистические лозунги, разговоры про то, что капитализм исчерпал себя, что нужно найти некий некапиталистический путь развития, что необходимо обуздать алчность воротил Уолл-стрит и т.п. получили широкое распространение после финансового кризиса 2007—2008 гг., — как и предполагал Ротбард. Современная антикапиталистическая риторика в значительной степени базируется на мифологической картине Великой депрессии 30-х годов XX в., с которой принято сравнивать нынешний кризис. И эта же мифологическая картина лежит в основе всей современной академической «макроэкономики».

Мифология Великой депрессии не только лежит в основе современного псевдонаучного экономического мэйнстрима, но и оказывает сильнейшее воздействие на политические процессы и политическое мышление. Не случайно Новый курс Ф. Д. Рузвельта приводится в качестве образца экономической политики и российскими «охранителями», и российскими «либералами». Публично усомниться в разумности и благотворности рузвельтовской политики или в оригинальности такой политики, еще недавно означало записать себя в маргиналы и экстремисты, причем не только в Америке, но и в России.

Впрочем, времена меняются, и сомнения в благотворности действий властей предрержащих и в истинности официальной пропаганды (пусть даже распространяемой умными людьми с профессорскими степенями) постепенно перестают служить поводом для игнорирования и маргинализации. Далеко не все люди готовы верить, что лучшим лечением от нынешнего кризиса является прием все большей дозы тех патентованных снадобий, которые к нему привели, — расширение государственного долга и бюджетного дефицита, эмиссия денег центральными банками, раздача бюджетных субсидий, новые изощренные методы государственного регулирования производства и т.п. Денежная и финансовая политика государств становится предметом все более пристального внимания общественности.

В этом контексте книга М. Ротбарда о Великой депрессии становится важнейшим интеллектуальным инструментом. Автор показывает на основе многочисленных исторических источников, что депрессия 30-х годов была следствием не слепой игры рыночных сил, а результатом, пусть и непреднамеренным, государственного регулирования, в первую очередь, в денежно-кредитной сфере. Более того, попытки разрешить возникшие проблемы с помощью мер государственного вмешательства и государственного регулирования привели вовсе не к выходу из кризиса, а, наоборот, к превращению спада в затяжную депрессию, беспрецедентную по своей глубине и продолжительности. Автор развенчивает миф об оригинальности реформ Франклина Рузвельта, показывая, что, вопреки расхожим предрассудкам, они были логическим продолжением государственных мер Эдгара Гувера, уже приведших к тяжелейшим экономическим и социальным последствиям.

Печальная реальность состоит в том, что современные правительства перед лицом продолжающегося экономического кри-

зиса избирают путь, в основном повторяющий рузвельтовский Новый курс. Затяжной характер кризиса является естественным следствием такой политики. Однако человек наделен разумом и свободой воли, которые дают ему возможность анализировать прошлые ошибки, пересматривать устоявшиеся представления и находить адекватные ответы на возникающие проблемы. Серьезный и непредвзятый анализ прошлого является здесь необходимым шагом. Надеемся, что книга М. Ротбарда поможет нам в этом.

Валентин ЗАВАДНИКОВ
Февраль 2012 г.

Предисловие

к первому изданию

События 1929 г. стали для Америки огромным ударом. Шок, вызванный этими событиями, оказал гигантское воздействие на американскую общественно-политическую мысль. Причины этого воздействия кажутся понятными. Депрессии прошлого, когда цены резко падали, происходило сжатие кредита, убыточные проекты ликвидировались и возрастала безработица, длились в течение года или двух, после чего быстро наступало оздоровление экономики. Депрессия 1920—1921 гг. проходила по известному образцу, повторяя в общих чертах не только едва заслуживающие внимания депрессии 1899—1900 и 1910—1912 гг., но и такие болезненные, хотя и быстро преодоленные кризисы, как спад 1907—1908 гг. и 1819—1821 гг.¹ Однако Великая депрессия, начавшаяся в 1929 г., растянулась фактически на одиннадцать лет.

Помимо необычайной продолжительности депрессия 1929 г. оставила глубокий отпечаток на сознании американцев вследствие характерной для нее масштабной и продолжительной безработицы. Интенсивность падения цен и денежного сжатия того периода совсем нельзя назвать беспрецедентными, тогда как норма безработицы и ее продолжительность были чем-то необычным и поразительным. Норма безработицы в Америке [доля безработных в общей численности рабочей силы], которая в периоды глубочайших экономических спадов прошлого редко достигала 10%, на сей раз превысила 20% (в 1931 г.) и до самого кануна Второй мировой войны оставалась на уровне, превышающем 15%.

Если бы мы воспользовались общепринятыми методами датировки и регистрации экономических циклов, разработанными

---

¹ Депрессия 1873—1879 гг. представляет собой особый случай. Во-первых, тот спад был сглаженным, и во-вторых, он представлял собой по большей части процесс понижения цен, порожденный сжатием количества денег, которое знаменовало возврат к золотому стандарту, существовавшему до гражданской войны. О мягком характере той депрессии см.: O. Wells, "The Depression of 1873—1879," *Agricultural History* 11 (1937): 240.

Национальным бюро экономических исследований (NBER), то, изучая и интерпретируя депрессию с их помощью, мы пошли бы по ложному пути. К сожалению, NBER почти сразу переключилось с изучения качественно отличных друг от друга периодов «процветания» и «депрессии», на анализ временных отрезков, которые являются всего лишь периодами роста и снижения статистических показателей. При определении дат начала и окончания периодов NBER выдергивает тот месяц, на который приходится пик (максимум) или спад (минимум) показателя, разбивая тем самым все отчетные данные на периоды роста и периоды снижения, в зависимости от достигнутых средних значений статистических показателей, не принимая во внимание ни их важность, ни интенсивность их изменения. Поэтому продолжительный бум 1920-х годов вряд ли может быть распознан на базе методики NBER, — вместо этого Бюро делает упор на не заслуживающие внимания «рецессии» 1923 и 1926 г. Далее, хотя мы можем согласиться с NBER и другими наблюдателями в том, что Великая депрессия достигла дна в 1932—1933 гг., мы не должны позволять искусственной статистической методологии скрывать от нас тот факт, что так называемый бум 1933—1937 гг. на самом деле имел место на фоне продолжающейся депрессии. Если норма безработицы по-прежнему превышает 15%, то называть период 1933—1937 гг. периодом процветания является безрасудной глупостью. Перед нами все еще депрессия, хотя и менее интенсивная, чем в 1932 г.²

Наиболее важное воздействие, которое Великая депрессия оказала на общественно-политическую мысль в Америке, состояло во всеобщем принятии точки зрения, согласно которой вся вина должна быть возложена на капитализм свободной конкуренции, на капитализм без государственного вмешательства, иными словами, на капитализм *laissez faire*. Общее мнение, разделяемое и экономистами, и обычной публикой, сводится к тому, что в 1920-е годы в Америке имел место ничем не сдерживаемый капитализм и что трагедия депрессии убедительно показала, что старомодный порядок *laissez faire* больше не в состоянии функционировать. Он и в XIX в. неизменно порождал нестабиль-

---

² Даже если рассмотреть отдельно взятую и изолированную от остального периода фазу «спада» 1929—1933 гг., все равно придется признать его необычную продолжительность и глубину, в особенности по уровню безработицы.

ность и депрессии, но теперь дела пошли совсем плохо и положение стало совершенно нетерпимым. Для того чтобы стабилизировать экономику и сгладить волны экономического цикла, должно вмешаться государство. И до сего дня огромное количество народа почти непрерывно призывают капитализм к суду истории — разумеется, в качестве подсудимого. Если современным бойцам от экономической политики, вооруженным инструментами денежной и налоговой политики, и толпам адептов стабилизации не удастся спасти капитализм от очередного сильного спада, эта многочисленная группа обратится за окончательным ответом к социализму. Для них следующая депрессия станет последним доказательством того, что даже реформированный и просвещенный капитализм не может обеспечить экономическое процветание.

Однако более пристальный взгляд показывает, что эта реакция общества ни в коей мере не является самоочевидной. В действительности эта реакция базируется на неявном предположении, согласно которому экономические циклы вообще и экономические депрессии в частности сами по себе появляются из недр экономики свободного рынка или, что то же самое, капиталистической экономики. Если предположить, что экономические циклы эндогенно возникают на свободном рынке, то указанная выше общественная реакция покажется заслуживающей доверия. Но это неявное предположение представляет собой чистый миф, базирующийся не на истине, а на слепой вере. Одним из первых, кто провозгласил, что экономические циклы порождаются рыночным процессом, был Карл Маркс. В XX столетии, при всех возможных содержательных различиях между их теориями, почти все экономисты-теоретики, будь то последователи Митчелла, Кейнса, Маркса или кого-то еще, были убеждены в справедливости этой точки зрения. Их теории, объясняющие причины этого явления, могли противоречить друг другу, или, подобно последователям Митчелла, они могли вообще не иметь теорий, содержащих объяснение причин, но все они были убеждены в том, что экономический цикл возникает в недрах капиталистической системы.

Наряду с этой существует и иная экономико-теоретическая традиция, противостоящая вышеописанной. Сегодня она признается лишь немногими экономистами-теоретиками и почти никем из тех, кто принадлежит к широкой публике. Согласно этой точке зрения экономический цикл и депрессии возникают вследствие нарушений [хода рыночного процесса], которые генерируются на рынке внешним вмешательством в денежную

сферу. Денежная теория цикла утверждает, что причиной бума и краха является кредитно-денежная экспансия, осуществляемая банковской системой. Впервые эта теория — в своей рудиментарной форме — встречается в работах тех классических английских экономистов начала XIX в., которые принадлежали к денежной школе. Впоследствии, в XX в., она была развита Людвигом фон Мизесом и его последователями. Несмотря на широкую популярность, которую денежная школа имела в начале XIX в. в Америке и Британии, ее положения были исключены из теории цикла и в ослабленном виде были встроены в другой раздел экономической теории, в теорию международной торговли. Сегодня денежная теория цикла, если она вообще признается, изображается как «упрощенная». Однако ни тот факт, что некая теория проста, ни то обстоятельство, что она выдвигает единственную причину, объясняющую то или иное явление, сами по себе не являются ее дефектами. Наука всегда ищет единую единственную причину сложных явлений, и ученые только рады, когда такую причину удастся установить. Если теория неверна, атаковать нужно именно это ее свойство, а не обвинять ее в «монокаузальности» или в том, что она оперирует причинами, лежащими вне свободного рынка. Помимо всего прочего может стать, что причина действительно является экзогенной по отношению к рынку! Единственным признаком, по которому нужно судить теорию, является корректность соответствующих теоретических суждений.

Настоящая работа явным образом опирается на теорию экономического цикла, разработанную Мизесом³. В первой части книги излагается теория и оспариваются некоторые общепринятые утверждения, которые ей противоречат. При этом собственно теоретические вопросы изложены достаточно бегло, — с полным изложением этой теории можно ознакомиться по другим работам*. Здесь также детально проанализированы следствия из этой теории,

³ Разумеется, Людвиг фон Мизес не несет никакой ответственности за содержание данной книги.

* См.: *Мизес Л. фон*. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005; *Он же*. Теория экономического цикла. Челябинск: Социум, 2012; *Уэрта де Сото Х.* Деньги, банковский кредит и экономический цикл. Челябинск: Социум, 2008; *Хайек Ф.* Цены и производство. Челябинск: Социум, 2007. См. также: *Хаберлер Г.* Процветание и депрессии. Челябинск: Социум, 2005; *Фолсом Б.* Новый курс или кривая дорожка. М.: Мысль, 2012. — *Прим. науч. ред.*

имеющие значение для экономической политики правительства, причем оказывается, что эти следствия решительно противоречат преобладающей точке зрения. Во второй и третьей части книги эта теория применяется для объяснения причин американской депрессии 1929 г. Замечу, что я не претендую на то, чтобы использовать исторические факты для «тестирования» истинности теории. Наоборот, я утверждаю, что экономические теории не могут «тестироваться» на исторических или статистических фактах. Исторические факты представляют собой сложные явления и в отличие от контролируемых и могущих рассматриваться изолированно «лабораторных фактов» естественных наук не могут использоваться для проверки истинности теории. Формирование исторических фактов всегда предполагает наличие многих причин, взаимодействующих между собой. Для изолирования и установления причинно-следственных цепочек пригодны только такие каузальные* теории, которые предшествуют данным фактам⁴. Предположим, например, что в течение определенного периода растут цены на цинк. Нас может интересовать вопрос: почему они растут? Ответить на него можно только с использованием той или иной априорной каузальной теории, уже построенной до начала нашего исследования. Так, мы знаем, что цена могла вырасти вследствие действия одной из следующих причин или их комбинации: из-за увеличения спроса на цинк, из-за уменьшения его предложения, из-за общего увеличения предложения денег и проистекающего из этого увеличения денежного спроса на все товары вследствие снижения общего спроса на деньги. Каким образом мы понимаем, какая из этих частных теорий применима в данном конкретном случае? Только посредством наблюдения фактов и проверки, какая именно теория при-

---

* Каузальные теории (от *лат.* *causa* — причина) — теории, в явном виде содержащие причинно-следственное описание явлений, в отличие от функциональных теорий, оперирующих не понятием причин и следствий, имеющих направление («от причины к следствию»), а имитирующих физикалистский подход (явления связаны друг с другом функциональной связью, т.е. в для них задача установления порядка следования причинно-следственной цепочки не ставится). — *Прим. науч. ред.*

⁴ Это ни в коей мере не означает отрицания того, что конечные предпосылки экономической теории, например фундаментальная аксиома деятельности или предпосылка разнообразия типов ресурсов, выводятся из наблюдаемой реальности. Однако экономическая теория является априорной по отношению ко всем иным историческим фактам.

ложима. Но вопрос, применима теория к данному случаю или нет, вообще никак не связан с тем, истинна она или ложна. Установление того факта, что в интересующий нас период действительно произошло (или не произошло) уменьшение предложения цинка, не может ни подтвердить, ни опровергнуть утверждения о том, что уменьшение предложения цинка при прочих равных повысит цену. Таким образом, задача экономического историка состоит в том, чтобы адекватно использовать теорию из арсенала, который предоставляет ему экономист-теоретик. Единственным тестом для теории является проверка корректности ее предпосылок и правильности цепочек логического вывода⁵.

Позитивисты, которые сегодня занимают доминирующие позиции в экономической теории, в своем стремлении имитировать физику склонны использовать ложные предпосылки, лишь бы они давали им возможность получать результаты, оказывающиеся верными по итогам тестов. С другой стороны, институционалисты, вечно ищущие все новые и новые факты, по сути, почти полностью отказались от теории. Оба эти направления являются ошибочными. Теория не может возникнуть, подобно фениксу, из горы статистических данных. Равным образом, статисти-

---

⁵ Эта методология, называемая праксеологической, противоречит преобладающим сегодня воззрениям. Изложение данного подхода и ссылки на литературу можно найти в статьях: Murray N. Rothbard, "In Defense of 'Extreme A Priorism'," *Southern Economic Journal* (January, 1957): 214–220; idem, "Praxeology: Reply to Mr. Schuller," *American Economic Review* (December, 1951): 943–946; idem, "Toward A Reconstruction of Utility and Welfare Economics," in Mary Sennholz, ed., *On Freedom and Free Enterprise* (Princeton, N.J.: D. Van Nostrand, 1956), pp. 224–262. Главными методологическими работами этой школы являются: Ludwig von Mises, *Human Action* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1949); Mises, *Theory and History* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1957); F.A. Hayek, *The Counterrevolution of Science* (Glencoe, Ill.: The Free Press, 1952); Lionel Robbins, *The Nature and Significance of Economic Science* (London: Macmillan, 1935), Mises, *Epistemological Problems of Economics* (Princeton, N.J.: D. Van Nostrand, 1960); Mises, *The Ultimate Foundation of Economic Science* (Princeton, N.J.: D. Van Nostrand, 1962). [Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. *Он же*. Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск: Социум, 2007; *Он же*. Эпистемологические проблемы экономической теории. Челябинск: Социум, 2013; *Он же*. Конечные основания экономической науки. Челябинск: Социум, 2013.]

ческие данные не могут служить в качестве теста для проверки истинности экономической теории. Эти же соображения применимы и для оценки результатов экономической политики. Правительство реализует ту или иную экономическую политику, следуя положениям некой экономической теории. Но депрессия не прекращается. Тогда сторонники и противники этой теории призывают на помощь искусство интерпретации. Противники этой теории утверждают, что провал экономической политики доказал ее ошибочность. Сторонники указывают на то, что ошибка правительства состояла в недостаточно решительном следовании данной теории, и призывают к более радикальным мерам, лежащим в том же направлении. Центральная проблема заключается в том, что *на базе изучения эмпирических фактов осуществить выбор между этими позициями невозможно*⁶. Каким образом правительство может принять рациональное решение по поводу своего следующего шага? Очевидно, единственный возможный способ здесь лежит в сфере чистой теории, — нужно исследовать конфликтующие предпосылки и проверить логические цепочки доводов.

Рассмотрение указанных методологических проблем проходит через всю книгу. При этом моей целью было дать описание американской депрессии 1929 г. и выявить ее причины. В мои намерения не входило написание полной экономической истории того времени, и поэтому у меня не было необходимости собирать и упорядочивать всю мыслимую экономическую статистику. Я концентрировался лишь на причинах, которые вначале вызвали депрессию, а затем усугубили ее течение. Я надеюсь, что это исследование в будущем окажется полезным экономическим историкам, когда они будут создавать обобщающие описания 1920—1930-х годов.

Тот факт, что исследование экономического цикла не может сводиться к простому изучению всей имеющейся экономической статистики соответствующей эпохи, обычно упускается из

---

⁶ Аналогично, если экономика начинает восстанавливаться, одни приписывают этот успех следованию той теории, которую они разделяют, тогда как их противники упирают на то, что восстановление началось несмотря на пагубное воздействие правительственной политики, основанной на критикуемой теории, и что это восстановление проходит более медленно и болезненно, чем это было бы в противном случае. Здесь опять возникает вопрос, каким образом может быть осуществлен выбор между этими оценками.

виду. Например, NBER смотрит на экономический цикл сквозь призму набора показателей обо всех видах экономической деятельности в определенный период. Опираясь на это априорное предположение (которое несколько противоречит презрительному отношению NBER к априорному теоретизированию), они изучают статистические показатели, характеризующие увеличение и уменьшение значений всех мыслимых временных рядов, которые они сумели сформировать.

Таким образом, исследования экономического цикла, осуществляемые NBER, по сути, являются статистической историей соответствующего периода. Подход Мизеса, или, как его иначе называют, австрийский подход, в отличие от типично институционалистской методологии NBER, предполагает совершенно иную исследовательскую процедуру. Она состоит в точном определении факторов, понимаемых как причины, в отслеживании причинно-следственных цепочек и в вычленении специфических феноменов цикла из многообразия сложного мира всех вообще экономических явлений.

В качестве иллюстрации рассмотрим данные об американской экономике 1920-х годов. В действительности экономика той эпохи представляла собой комбинацию двух, во многом противоборствовавших сил. С одной стороны, Америка переживала период подлинного экономического процветания, в основе которого лежали высокие объемы сбережений и инвестирование в высокопроизводительный капитал. Уровень жизни в Америке повышался именно благодаря этому великому преимуществу. С другой стороны, мы переживали также период кредитной экспансии, которая привела к накоплению капитала в ошибочных инвестициях, что и повлекло за собой в конце концов неизбежный экономический кризис. Перед нами — две разновидности мощных экономических сил, одну из них большинство могли бы назвать «хорошей», а другую — «плохой». Каждая из них действует самостоятельно, но во взаимодействии с другой, что и порождает конечный исторический итог. Показатели цен, объемов производства и торговли отражают суммарные последствия взаимодействия этих сил. Стоит напомнить о той самодовольной беспечности, которую в период великого бума демонстрировали наши экономисты, а также финансовые и политические лидеры. Изучение ошибочных оценок, звучавших в ту пору, могло бы оказать отрезвляющее действие на новую поросль наших прорицателей от экономики, считающих, что будущее можно предсказать с большой точностью, т.е. с малой процентной ошиб-

кой прогнозирования. В то же время не следует высмеивать тех апологетов капитализма, которые до 1929 г. воспевали достижения нашей экономической системы, поскольку, в той мере, в какой они опирались на непосредственные наблюдения того, как действует первая сила, они были правы, — первоначальное экономическое процветание порождается высокими объемами сбережений и инвестированием. Они ошибались в том, что упускали из виду последствия действия второй движущей силы той эпохи — пагубной силы кредитной экспансии. Настоящая книга фокусируется на тех аспектах экономики того периода, которые связаны с экономическим циклом, или, если угодно, — с проявлениями деструктивной силы.

Как и для большинства исторических исследований, пространственные ограничения (т.е. ограничения на объем книги) порождают ограничения временные (т.е. мы вынуждены ограничиться рассмотрением определенного периода). Материал, приводимый в книге, относится к 1921—1933 гг. Годы с 1921-го по 1929-й были периодом бума, который предшествовал Великой депрессии. Здесь мы находим причины, которые в конечном счете породили депрессию, но начали оказывать свое воздействие до 1929 г. Период 1929—1933 гг. образует фазу спада Великой депрессии, который и сам по себе отличается необычайной продолжительностью и глубиной. Здесь мы будем искать причины, усугубившие тяготы депрессии, что выразилось в более длительном и болезненном протекании кризиса.

Разумеется, всякое исчерпывающее исследование должно включать период 1933—1940 гг. Однако он более знаком нам и изучен в большей степени.

Время до 1921 г. также заслуживает внимания. Многие авторы усматривают корни Великой депрессии в инфляции времен Первой мировой войны и первых послевоенных лет, а также в том, что в период рецессии 1920—1921 гг., объемы ликвидации несостоятельных предприятий, по их мнению, были недостаточными. Но необходимый уровень ликвидации необязательно требует, чтобы сокращение количества денег и снижение уровня цен дошли до уровня, предшествующего буму. Таким образом, мы начнем рассматривать фазу цикла, приходящуюся на 1920—1921 гг., с осени 1921 г., вкратце разобрав то, как кредитная экспансия начала искажать производство (и возможно, не позволила довести до конца ликвидацию убыточных позиций, сформированных предыдущим бумом) применительно к такому раннему [по

отношению к 1929 г.] моменту. Мы также сопоставим экономическую политику и относительную продолжительность депрессии периода 1920—1921 гг. с периодом 1929—1933 гг. При этом мы не можем отступать глубже 1920—1921 гг. и не считаем необходимым выходить за пределы 1929—1933 гг.

Одним из главных мотивов, побудивших меня взяться за написание данной книги, стало примечательное исчезновение экономико-теоретических исследований депрессии 1929 г. Весьма мало книг этого направления посвящены изучению — с какой бы то ни было точки зрения — того, что произошло в 1929 г. Настоящая книга представляет собой попытку восполнить данный пробел путем осуществления детального исследования причин депрессии 1929 г. на базе корректной прагматической экономической теории⁷.

Мюррей Ротбард

---

⁷ Единственными по-настоящему ценными работами, посвященными депрессии 1929 г., являются следующие: Lionel Robbins, *The Great Depression* (New York: Macmillan, 1934), которая лишь весьма бегло затрагивает события в США. См. также: С. А. Phillips, Т. F. McManus, R. W. Nelson, *Banking and the Business Cycle* (New York: Macmillan, 1937) и Benjamin M. Anderson, *Economics and the Public Welfare* (New York: D. Van Nostrand, 1949), которая посвящена не одной только депрессии, а является скорее работой по экономической истории XX в. С другой стороны, сильно переоцененная книга Томаса Уилсона (Thomas Wilson, *Fluctuations in Income and Employment* [3rd ed., New York: Pitman, 1948]) почти полностью сводится к пересказу официальной интерпретации депрессии. Недавно вышла гладко написанная поверхностная книжка Джона Гэлбрейта, описывающая фондовый рынок накануне краха: John K. Galbraith, *The Great Crash, 1929* (Boston: Houghton Mifflin, 1955 [Гэлбрейт Дж. К. Великий крах 1929 года. Минск: Попурри, 2009]). За исключением очень кратких и маловразумительных исследований Сликтера, Шумпетера и Гордона, это почти все что есть. Имеется также много работ, в которых данный предмет затрагивается лишь по касательной, в частности работы о пресловутой «зрелой экономике» конца 1930-х годов. Депрессии и ФРС посвящена также следующая недавняя короткая статья: О. К. Burrell, “The Coming Crisis in External Convertibility in U.S. Gold,” *Commercial and Financial Chronicle* (April 23, 1959): 5, 52—53.

Предисловие

ко второму изданию

За годы, прошедшие со времени выхода первого издания настоящей книги, факт существования такого явления, как экономический цикл, вновь проник в сознание экономистов. В течение всех 1960-х годов нам опять, как и в эпоху «Новой Эры» 1920-х, обещали упразднить экономический цикл с помощью кейнсианской и иной изощренной государственной экономической политики. Значительная и оставившая глубокий след рецессия, начавшаяся около ноября 1969 г., от последствий которой мы не избавились в момент, когда пишутся эти строки, стала целебным, хотя и болезненным напоминанием о том, что экономический цикл существует на самом деле и неплохо себя чувствует.

Одна черта нынешней рецессии, которая воспринимается как особенно неприятная и неожиданная, состоит в том, что цены потребительских благ продолжают быстро расти и во время спада. В условиях классического цикла во время рецессии, или депрессии, цены падают, и это падение цен представляет собой единственное преимущество, которое доступно потребителю в этот период всеобщего уныния. Однако сегодняшняя рецессия не содержит даже этого преимущества, так что потребитель испытывает на себе комбинированное воздействие худших свойств рецессии и инфляции.

Ни традиционная кейнсианская, ни современная монетаристская школы не предвидели этого феномена «инфляционного спада» и не смогли дать ему удовлетворительного объяснения. Лишь австрийская теория, на базе которой написана эта книга, не только объясняет что произошло, но и показывает, что такое явление есть общая, универсальная тенденция, присущая любой рецессии. Суть рецессии, согласно австрийской теории, состоит в корректировке экономики, которая необходима для ликвидации искажений, порожденных бумом, в особенности чрезмерным расширением отраслей и производств «более высоких» порядков, т.е. отраслей, производящих капитальные блага, с одной стороны, и недостаточным инвестированием в отраслях, производящих потребительские блага, — с другой. Одним из способов, которым рынок перенаправляет ресурсы от производства капитальных благ

к производству потребительских благ, являются относительное понижение цен на первые блага и относительное повышение цен на вторые. Банкротства и снижение относительных цен и заработной платы в раздутых отраслях, производящих капитальные блага, за время бума обильно уснащенных ошибочными инвестиционными проектами, перенаправляют земельные, трудовые и капитальные ресурсы на производство потребительских благ, тем самым восстанавливая способность экономики эффективно откликаться на потребительский спрос, что является нормальным условием функционирования рыночной экономики, не испытывающей внешнего вмешательства.

Иначе говоря, в период рецессий цены потребительских благ всегда имеют тенденцию расти быстрее (или снижаться медленнее) цен на капитальные блага. Причиной, по которой это явление оставалось незамеченным, состоит в том, что во время предыдущих рецессий имело место общее снижение цен. Если цены потребительских благ падают, к примеру, на 10%, а цены на цемент падают на 20%, то никто не будет волноваться по поводу «инфляции во время спада». На самом деле, однако, и в этом случае цены потребительских благ выросли относительно цен на производственные блага. Общий уровень цен в период рецессий падал потому, что денежная и банковская дефляция была неотъемлемым спутником процесса экономического сжатия. Однако в последние несколько десятилетий денежная дефляция жестко блокировалась государственной политикой расширения кредита и увеличения банковских резервов, и память о таком явлении, как фактическое сокращение денежного предложения, в лучшем случае сильно потускнела. Однако результатом политики упразднения дефляции стало то, что общий уровень цен теперь вообще никогда не падает, даже во время рецессий. Следовательно, процесс коррекции соотношения между капитальными и потребительскими благами, который должен иметь место в период рецессий, теперь должен протекать в отсутствие благотворной дефляции. Следовательно, цены потребительских благ, как и прежде, растут относительно, но теперь, лишенные покрова общей дефляции, они должны расти и абсолютно, т.е. стать видимыми. Таким образом, экономическая политика, состоящая в государственном вмешательстве с целью не допустить денежной дефляции, лишает публику одного из преимуществ спада — снижения стоимости жизни. Таким образом, нежелательное явление в виде рецессии с одновременной инфляцией на самом деле порождено государ-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru